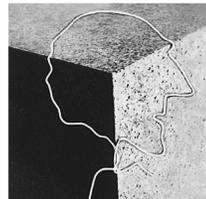

СТРАСТИ ПО ТЕЗИСАМ О ПРЕДМЕТЕ
ФИЛОСОФИИ (1954–1955) / Авт.-сост. Е.Э. Иллеш.
М.: Канон +; Реабилитация, 2016. 272 с.

**ЛИСТАЯ
НОВЫЕ
СТРАНИЦЫ**

При изучении философского шестидесятилетия больше всего внимания обычно уделяя личности и творчеству Э.В. Ильенкова. Выходят статьи и книги о нем, регулярно проводятся Ильенковские чтения. Но книга, о которой идет речь, по своему жанру не имеет аналогов среди литературы об Ильенкове и его времени.

Автор-составитель Е.Э. Иллеш проделала большую работу по выявлению архивных документов, связанных с написанием Э.В. Ильенковым совместно с В.И. Коровиковым “Тезисов о предмете философии”, с мощной волной идейного влияния, которая захватила молодежь философского факультета МГУ в 1954–1955 годах, с огромными проработками тезисов и их авторов, закончившимися уходом их обоих с факультета. До сих пор мы могли судить о тех событиях и о роли отдельных их участников лишь по мемуарным свидетельствам большей или меньшей достоверности.

Рецензируя подобную книгу, необходимо оттенить три аспекта: 1) работу, проделанную над архивными документами; 2) конкретно-историческую ситуацию идейной борьбы, вырисовывающуюся из этих документов; 3) философскую концепцию самого Э.В. Ильенкова — как она выражена в представленных текстах.

Работа составителя книги заслуживает высокой оценки. Вместе с тем, нужно отметить некоторую небрежность при оформлении ссылок на архивные документы. Не всегда точно дается название архивов, указываются цитируемые листы архивных дел, иногда нет яс-

ности со ссылками. Чувствуется, что архивного материала было найдено больше, чем составитель сумел обработать для публикации. Правда, погрешности эти значимы, скорее, для тех, кто захочет вести самостоятельную исследовательскую работу с этим комплексом источников. Для широкого читателя это не существенно. Такой читатель, скорее, заметит некоторую легковесность комментариев автора-составителя. Часто они служат просто связками между двумя публикуемыми документами и не дают какого-то более глубокого их понимания. Впрочем, недостаточность содержательных комментариев вполне компенсируют исследовательские статьи В.А. Лекторского и И.А. Раскина.

Приводимые в книге интересные документы, главным образом, выдержки из стенограмм различных философских обсуждений 1950-х годов, помогают понять одну важную социально-психологическую коллизию советского философа тех лет. В самом общем виде можно сказать, что перед ним лежали два пути: путь собственно философа — исследователя, искателя истины, и путь идеологического работника. Это, в общем, очевидно. Менее очевидно другое: выбор никак не был связан с идейной приверженностью марксизму или отсутствием таковой. Вторым путем мог пойти и самый убежденный марксист — различались не идейные позиции, а логика и тип мышления. Лучшим примером тому может служить личность и судьба самого Э.В. Ильенкова: он был всецело предан марксистскому учению, но было ли в нем

хоть что-то от идеологического функционера? А в ком-то ипостаси философа и идеологического работника сочетались в тех или иных пропорциях. Но идеологический работник мыслит, согласно марксизму, посредством превращенных форм. На это обстоятельство не без преувеличения, но, в целом, верно указал В.А. Лекторский: “На самом же деле это была не дискуссия онтологов с гносеологами, она была совсем о другом. Это было противостояние людей, которые занимались настоящей философией, и тех, кто никаких идей не имел, кроме одной — отстоять свое существование, свое положение, продемонстрировать свою ортодоксальность” (с. 13). Точнее сказать, демонстрировал свою ортодоксальность, чтобы сохранить свое положение.

Отсюда ситуация, когда Ильенков с Коровиковым и их проработчики будто не слышат друг друга. Они руководствуются различными логиками. Первые развивают свои идеи, и не важно, что прибегают для этого к ссылкам на авторитеты. Все равно, им нужно “понимать, чтобы верить”. Вторые озабочены сохранением идеологической благопристойности. Верхом их премудрости можно считать инвективу в отношении Ильенкова и Коровикова, высказанную представителем МГК КПСС: “Пытались проповедовать не то, что положено в Советском Союзе!” (с. 80). Наиболее отчетливо несовместимость двух логик поведения проступает при обсуждении вопроса о письме Ильенкова Тодору Павлову и ответе последнего. Ильенкова интересует содержание письма, философская позиция Павлова. А руководителей “философского фронта” занимает, как выстроены отношения между ними и Павловым в официальной системе. Им важно, чтобы в этих отношениях не возникло “недоразумений”, а уж разумение тут ни при чем. Напрашивается крамольный вопрос: если идеологических функционеров среди философов было так много — что, впрочем, никем не оспаривается, — то куда же они подевались

после смены идеологических координат? Что-то не известно ни одного случая отказа от ученых степеней и званий, полученных за апологику отвергнутого учения. В том же поучающем стиле можно вещать, скажем, о новой глобальной цивилизации, или же о русской философской духовности. Пока существует феномен господствующей идеологии, такие люди, как Ильенков, всегда будут маргиналами, независимо от того, какая именно идеология сегодня на дворе.

Обратимся теперь к текстам самого Э.В. Ильенкова, публикуемым впервые. Философский текст, хоть и создан в своем времени, но, вместе с тем, причастен вечности. Ибо трактует о всеобщем. В этом смысле Ильенков — наш современник и коллега по диалогу. Попробуем же проанализировать философскую позицию, которая заявлена в приводимых текстах.

Нужно учитывать, что мы имеем здесь дело с ранним Ильенковым. В.А. Лекторский справедливо замечает, что Ильенков никогда впоследствии не отказывался от идей, выдвинутых в “Тезисах”. Но все же он и не высказывал их больше в такой обнаженной, заостренной форме. В поле исследовательского интереса философа вошли новые тематические пласты: психология, эстетика; сама концепция его обогащалась, становилась более насыщенной. Только с учетом этого обстоятельства можно обсуждать тексты Ильенкова 1954–1955 годов.

Идеологические словопрения по поводу Тезисов не оставили тогда места для обсуждения идей Ильенкова и Коровикова по существу. Иначе возражения им носили бы совсем иной характер. И здесь хотелось бы вернуться к словам В.А. Лекторского о мнимости спора “онтологов” с “гносеологами”. Между тем если под первыми не иметь в виду идеологических проработчиков, то спор окажется вполне реальным и принципиальным, каким он и был (точнее, мог быть) в действительности. Ведь тот факт, что зако-

ны диалектики отражаются в мышлении, еще не отменяет их объективного существования. И всегда найдутся философы, предпочитающие заниматься объективной диалектикой как таковой.

Раздвинем рамки историко-философского контекста проблемы. Можно ли все сводить только к советской специфике? Вспомним недавно приведенную удачную формулировку Э. Агацци о “методологическом повороте в философии” [2]. Начиная с кантовского критицизма, весь XIX век набирала силу линия, третирующая натурфилософские поиски как “метафизику”, оперирующую “ненаучным” методом. Подобная методологическая нетерпимость привела к тому, что в первой половине XX века неопозитивизм вообще отказал натурфилософской метафизике в философском статусе. И даже переворот, который во второй половине XX века совершил постпозитивизм, обратившись к социокультурным основаниям познания, поменял в методологии науки практически все, но только не это пренебрежение метафизической проблематикой и стилем мышления.

В отечественной философии науки понятие методологического подхода к изучению объекта (подхода, при котором в центре внимания находится собственно процесс и средства познания) было сформулировано Э.Г. Юдиным. Э.Г. Юдин выделил этот подход в качестве третьего этапа эволюции форм самосознания науки. Первые два этапа были ранее обозначены П.П. Гайденом как онтологизм и гносеологизм [3]. Методологизм Э.Г. Юдин считал характерным для философии науки XX века [4].

Э.В. Ильенков, независимо от того, что он думал о себе сам, полностью принадлежал мэйнстриму “кантовского” и “методологического” поворота в мировой философии — в интересующем нас здесь аспекте они, как было отмечено выше, мало различались между собой. Более того, он непосредственно осуществлял на отечественной почве этот по-

следний поворот и прямо выступал против “реакционной попытки возродить давно скончавшуюся натурфилософию и философию истории” (с. 230). Поэтому, когда говорят, что из “ильенковской шинели” вышло все движение философии науки, которое сначала развивалось в нашей философии как побочное, а затем, в 1980–1990-е годы достигло зенита и обрело мощь, — это совершенно справедливо. Никакой логикой нельзя объяснить, почему сегодня в Институте философии РАН онтологическая тематика имеет статус группы при секторе теории познания, хотя в программах всемирных философских конгрессов секция онтологии идет по-прежнему самостоятельно и первой по счету, да и, по сути, онтология никак не может считаться частью гносеологии.

В.А. Лекторский верно заметил в своем заключении к книге, что автор публикуемой там рукописи о предмете философии, начав с общепринятого понимания философии, нечувствительно переходит к сужению ее предмета до теории мышления и далее с разными вариациями защищает этот тезис. Хотелось бы внести только одно дополнение. В своей концепции предмета философии Э.В. Ильенков отказывает в праве на существование в качестве философской дисциплины не только онтологии, но и философии естествознания. Этот тезис не выдвигается явно, но обосновывается совершенно недвусмысленно. Вряд ли стоит удивляться, что концепция, которая изначально декларировала исключение из сферы философии двух ее важнейших разделов, была встречена значительной частью философской общественности в штыки. Разногласия в этом вопросе не носили идеологического характера. Это были разногласия в отношении того, как понимать предмет философии и характер ее отношений с науками (если следовать устремлениям Ильенкова и его соратников и последователей, то надо бы сказать “с другими науками”).

Позиция Э.В. Ильенкова изложена в публикуемых текстах с пре-

дельной ясностью. Исторический вектор развития теоретического мышления приводил к отпочковыванию от философии наук, когда те становились на собственные ноги. Что останется от философии в итоге? Мышление о бытии, всеобщие формы мышления, которые не могут быть ассимилированы психологией. Избавившись от всех, не свойственных ей, предметов, философия и сама, наконец, станет наукой. Можно только посочувствовать партийным инквизиторам от философии, которые так и не смогли понять, что же вменить Ильенкову в качестве формулы обвинения: то ли гегельянство, то ли позитивизм с кантианской примесью. Видимо, к 1955 году перевелись те умельцы диалектически соединять противоположности, которые в 1930 году обвиняли Я.Э. Стэна в «право-левацком уклоне».

Вернемся теперь к основной идее «Тезисов о предмете философии». Э.В. Ильенков вкладывает в самостоятельность существования наук не общепринятый, а свой собственный смысл. В этом — главная тайна тезисов. Для Ильенкова научная дисциплина существует не тогда, когда она отвечает тому или иному набору критериев научности, взятых из позитивистских методологий науки. Для него наука — это такая система знания, которая уже построена по диалектическим методам (восхождения, исторического и логического и др.), а потому не нуждается в натурфилософском, «метафизическом» курировании со стороны философии. Он чаёт избавиться философию от подобных изживших себя функций (и, таким образом, от функции «идеологической дубины»), и тем превратить ее саму в науку.

Но автор рукописи о предмете философии не задался простым вопросом: способны ли специалисты из той или иной данной научной дисциплины выстроить ее по методам диалектики? Вопрос далеко не праздный. До сих пор мы имеем единственный пример такого пересоздания научной дисциплины, и совершен он был не специалистом,

а философом, намеренно поставившим перед собой такую задачу. Речь, разумеется, идет о Марксе и политекономии.

Вот ключевой пункт расхождения мнений о предмете философии и ее взаимоотношениях с науками. Э.В. Ильенков пишет, что вслед за всеми прочими науками философия должна «иметь перед собою такой предмет, который подлежал бы конкретному, а не философскому исследованию, и философия сама приобрела бы характер положительной конкретной науки» (с. 178–179). Как же тогда быть с той предметной сферой, которая именуется философскими вопросами конкретных наук? Сказать, что как только «наука получает возможность решить тот или иной вопрос на его реальной, а не умозрительной почве, он и перестает быть «философским»» (с. 209) — значит, попросту уклониться от ответа. Непонятно, как именно, какими средствами «отдельные науки» сами по себе смогут «выяснить свое место во всеобщей связи знаний о вещах»? (с. 220). В обоснование своей позиции Э.В. Ильенкову приходится неявно постулировать тождество объективной и субъективной диалектики, которое сначала еще нужно доказать.

Более обоснованным представляется другой взгляд на соотношение между философией и науками, вытекающий из традиционных представлений о философии и ее функциях. Философия в той мере, в какой она наука, — это всеобщая наука, работающая с категориями; все прочие науки — частные, оперирующие родовидовыми понятиями. Специалисты частных наук в своей сфере способны решать все проблемы. Но в рамках этих наук нельзя решать проблемы, которые относятся к существу их предмета. Например, биолог может объяснить, как устроен геном человека и в чем его сходство и различие с геномом лягушки. Но он не ответит вам, что такое жизнь и смерть. Математик не объяснит вам, что есть количественные отношения, историк не сможет ответить на вопрос о сути и

причинах развития общества. Как только специалист частной науки подходит к основаниям своей науки, он вступает в сферу философских вопросов. Чтобы заниматься ими, существуют специалисты по философским вопросам аксиоматических, естественных и социально-гуманитарных наук. Успешные примеры работы в этой сложной сфере демонстрируют и те, действительно выдающиеся, ученые, которые, по мере накопления и осмысления опыта познания, сумели своей мыслью “подняться над пробирками”. Поэтому специалисты частных наук не смогут решать за философию вопросы объективной диалектики, как философы не могут выступать арбитрами при решении вопросов частных наук.

Надежда Э.В. Ильенкова на то, что объективную диалектику будет отражать не философия, а “вся совокупность человеческих наук и практики” (с.187), — иллюзорна. Благое дело, конечно, избавить науки от “менторской помощи” (с. 191). Но нельзя забывать и о том, что частные науки и наука в целом по природе своей не решают мировоззренческих вопросов. Позиции, которые оставит материалистическая философия, неизбежно будут заняты различными формами религиозно-идеалистического сознания. Мистицизм хорошо уживается с наукой в силу ее мировоззренческой нейтральности. В истории мировой и русской науки масса тому примеров.

Книга “Страсти по тезисам...” делает очень важное дело: позволяет по первоисточникам составить представление об одной из позиций в философских спорах рассматриваемого исторического периода. Пока это — первая ласточка. Важно реконструировать весь контекст философской борьбы, привлекая для этого материалы архивов и философской периодики прошлого. Работы здесь предстоит много. Приведу один пример. В Архиве РАН в фонде Института философии в одном из дел со стандартным названием “Протоколы заседаний секторов” сохранилась стенограмма раз-

вернутого обсуждения известной статьи Э.В. Ильенкова “Мужество мысли” на заседании сектора философских вопросов естествознания [1]. Стенограмма занимает десятки страниц. Выступали не только сотрудники сектора. Обсуждению придавалось большое значение: текст каждого выступления заверен подписью автора — случай в институтской практике небывалый. Все это необходимо изучать, публиковать, вводить в научный оборот.

Можно по-разному сегодня относиться к дошедшим до нас текстам Э.В. Ильенкова, написанным более шестидесяти лет назад. Важно не забывать, о философе какого уровня идет речь. Ильенков — гений, выдающийся философ. История философии учит нас правилу: выдающиеся философы не ошибаются, даже если высказывают идеи, расходящиеся с общепринятыми. Они прокладывают новые пути философии. Можно не соглашаться с тем пониманием предмета философии, которое было сформулировано Э.В. Ильенковым. Существенно то, что из его идей после десятилетий сталинского догматизма, имитации философии “рождались по-настоящему философская проблематика”, как сказал В.А. Лекторский в предисловии к рецензируемой книге (с. 12). Истоки сегодняшнего высокого качества профессиональной философии в России были заложены именно тогда, когда философ Ильенков вел самоотверженную борьбу за истину.

© 2016 С.Н. КОРСАКОВ,
доктор философских наук

Литература

1. Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1203. Л. 41–63.
2. Вопросы философии. 2014. № 9. С. 60–65.
3. Гайденок П.П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века // Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969. С. 225–262.
4. Юдин Э.Г. Методология науки, системность, деятельность. М.: URSS, 1997. С. 39.